

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 147

В.А. МАТВЕЕВ



**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ
СЕПАРАТИЗМУ НА СЕВЕРНОМ
КАВКАЗЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Москва
2002

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 147

В.А. МАТВЕЕВ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ПРОТИВОСТОЯНИЯ
СЕПАРАТИЗМУ НА СЕВЕРНОМ
КАВКАЗЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Москва
2002**

ISBN 5-201-13758-x (8)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 147.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-07-12
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-095) 938-06-00

Документ № 147

В.А. МАТВЕЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ СЕПАРАТИЗМУ НА
СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Об авторе

Матвеев Владимир Александрович - Преподаватель кафедры отечеств. истории новейшего времени Ростовского гос. ун-та. Автор публикаций об особенностях геополитики России в Евразии и на Кавказе, о специфике этнополитических процессов в южных ареалах России и в зонах смешанной восточнославянской колонизации.

About the Author

MATVEEV, VLADIMIR
ALEKSANDROVICH

Assistant professor at the Chair of modern history of Russia at the Rostov-on-Don State University. Author of publications about specific features of Russian geopolitics in Eurasia and in the Caucasus, and of ethnopolitical processes in southern areas Russia and in zones of joint East Slavic colonization.

Summary

MATVEEV V.A. HISTORICAL EXPERIENCE IN OPPOSING SEPARATISM IN THE NORTH CAUCASUS AND CONTEMPORANEITY.

The report provides complex analysis of a certain form of separatism, observed in the past in European and Eurasian areas of civilization splits. The author classifies it as a Vandei form, characterized by ethnic cleaning of some territories and by terrorist methods of gaining isolation. He reviews links between this phenomenon and the extreme form of social radicalism – brigandage, that has been a destabilizing factor in the region in those times. The conclusion is made that this tradition of brigandage and armed raids has been restored recently, and that the latter has already led to Caucasian War at the end of the 19th Century. The author critically analyses approaches to solution of this problem and mistakes that has been made in this field.

Противостояние любому явлению предполагает, прежде всего, понимание его сути. В этой связи следует особо остановиться на термине «набеговая система», введенном в научный оборот видными представителями отечественного кавказоведения М.М. Блиевым и В.В. Дегоевым, и вызвавшим разноречивые суждения у специалистов. В совместном фундаментальном исследовании по Кавказской войне, изданном в 1994 г., они верно, на наш взгляд, обратили внимание на то, что отражаемая им практика не являлась следствием военных действий России на Кавказе, так как ее существование можно проследить задолго до присоединения местных народов, в частности, чеченцев. Напротив, как считают эти авторы, Россия всячески сдерживала набеги, которые выступали одним из специфических и разрушительных для других разновидностей хозяйственной деятельности средств «собрания собственности».

Нападения производились и на ее границу, подвергавшуюся, по мнению М.М. Блиева и В.В. Дегоева, со второй половины XVIII и вплоть до середины XIX в. интенсивной экспансии, распространявшейся на огромные южные пространства империи и охватывавшей русские города, казачьи станицы, военные гарнизоны и т.д. Поэтому неоспоримо то, что Кавказская война не в последнюю очередь была спровоцирована набегами и в значительной мере отражала их тактические приемы, получившие лишь более высокую форму организации¹, и со стороны России, вопреки сложившимся представлениям, являлась справедливой. По свидетельству А. Руновского, изучавшего последовательность возникновения этого непростого геополитического конфликта непосредственно по ходу его разрешения, для коренного населения нагорной полосы «накануне Кавказской войны российское владычество не было обременительным, горцы не облагались никакими повинностями, были не стесняемы относительно религии, а из обыденных сношений с русскими» извлекали «значительные и постоянные средства к жизни...»².

М.М. Блиев и В.В. Дегоев, таким образом, можно сказать, одними из первых

подтвердили наблюдение Л.Н. Толстого, сделанное в рукописных размышлениях над сюжетами рассказа «Набег». «Кто станет сомневаться, – поставил вопрос перед современниками и потомками великий писатель, – что в войне русских с горцами справедливость, вытекающая из чувства самосохранения, на нашей стороне? Ежели бы не было этой войны, что бы обеспечивало все смежные... русские владения от ... набегов?»³. То, что Россия, применяя силу оружия, добивалась именно прекращения «грабительства» в свое время признавали и некоторые влиятельные мусульманские авторитеты⁴.

Вместе с тем, набеги имели внешнее проявление и направленность не только против «чужих», но и против своих же соплеменников. В последнем случае, по свидетельству немецкого путешественника Э. Кемпфера, тоже похищалось все и продавалось, в том числе и люди, «туркам, персам и прочим в качестве крепостных»⁵. Следовательно, нельзя в полной мере увязывать набеги с «порождением формационных процессов», являвшихся, согласно рассматриваемой концепции, основой для развития соответствующей системы. Если исходить из данной посылки, то складывается впечатление о неизбежности набегов и их фатальной предопределенности. Между тем, это далеко не так, на что, в частности, указывает негативное отношение к ним основной массы самого туземного населения, находившегося в таких же формационных условиях. Возрастание интенсивности набегов чеченцы, например, объясняли прекращением уважительного отношения к «обычаям отцов» и неисполнением норм адата. О тех же, кто их совершал, с сожалением говорили: «...воровство вошло у них в славу и доблесть...»⁶.

Подтверждением не могут служить и количественные показатели, которые выглядят весьма противоречиво: набеги, совершавшиеся небольшими отрядами в несколько десятков или сотен человек – это не система, она становится реальностью, когда задействуются тысячи участников. Признавая преобладание нападений «мелкими разбойничьими группами», М.М. Блиев и В.В. Дегоев, тем не менее, утвер-

ждают, что «набеговая система, порожденная внутренними общественными процессами ‘вольных’ обществ, развивалась главным образом в виде нашествий тысячных и многотысячных ополчений, захватывавших в открытых боях разнообразную военную добычу»⁷. Для системы характерна целостность, поддающаяся, как и все ее структурные части, разрушению. Способность к длительному сохранению в изменившихся условиях она не имеет.

Приведенные М.М. Блиевым и В.В. Дегоевым доказательства вскрывают наличие не системы⁸, а набеговой традиции в системе региональных социально-экономических отношений, выступавшей ее антагонистическим элементом и представлявшей из себя более устойчивый фактор, способный претерпевать разностороннюю трансформацию и возрождаться. При изучении более ранних стадий утверждения России на Кавказе Б.В. Виноградов, например, также пришел к выводу, что набеги «являлись давним и традиционным занятием части горского населения»⁹. Они как раз и были связаны с конкретным феноменом, определявшимся когда-то как горское разбойничество. Такое терминологическое обозначение отражает определенный исторический фон и исследователи не в праве менять его на другие понятийные обобщающие конструкции.

Уточнение о том, что набеговая традиция находила воплощение в разбойничестве, имеет принципиальное значение, так как позволяет проследить в динамике взаимосвязь этнополитических процессов после завершения Кавказской войны с последующими этапами, в том числе с событиями, разворачивавшимися в крае в начале XX в. М.М. Блиев и В.В. Дегоев, видимо, исходили из популярного на рубеже 1980-90-х гг. представления – «виновата система», способного, как казалось тогда, объяснить причины неустрашимости кризисных тенденций. Однако Кавказская война была явлением многосложным, обуславливающимся в немалой степени сменой кодов цивилизационного развития, связанных с ними идеологических приоритетов и только к формационным процессам не сводима.

Восстановление же набеговой тради-

ции на этой окраине в начале XX в. имело, кроме того, следующую ярко выраженную направленность. Абреки, а отчасти и качаги – чеченские и дагестанские разбойники, терроризировали русское население с целью, как признавали представители краевой власти, осуществления «идей инородческого сепаратизма»¹⁰. Оно подвергалось грабежам и хозяйственному разорению. Причем это воздействие предпринималось преимущественно по отношению ко вновь прибывшим переселенцам. Под его влиянием миграционные потоки их из России на Северный Кавказ, особенно в Хасав-Юртовский округ Терской области, в который они наиболее интенсивно росли до 1905 г., приостановились¹¹. То, что горскому разбойничеству присуща была и сепаратистская направленность, подтверждается и другими фактами.

Так, после гибели Зелимхана в 1913 г. абречество пошло на спад, но в горах Дагестана с 1914 г. стала несколько усиливаться деятельность качагов в связи с обретением среди части горцев популярности другим предводителем разбойников – Узуном-Хаджи, прошедшем все ступени духовной школы, хорошо знавшим арабский язык и шариат. Ему также удалось организовать отряд в 80-100 человек, который предпринимал действия весьма сходные с деятельностью Зелимхана. Награбленное он раздавал бедным и вместе с тем проводил усиленную агитацию «против царского правительства», что, безусловно, усиливало ее воздействие. По ходу ее им пропагандировалась и «идея горской независимости». По его заверениям, «помощь для освобождения от русского ига» должна была прийти из Турции¹². Вместе с тем, в их политических устремлениях прослеживаются и некие различия, отражавшие этнополитическую противоречивость в развитии туземных сообществ.

Зелимхан, как видно, симпатизировал российскому анархизму и изъявил даже согласие на причастность к этому движению. Его деятельность, судя по всему, и во всех других отношениях в большей степени поддавалась влиянию процессов, происходивших в стране, а сепаратизм сводился преимущественно к изгнанию недавно прибывших на Северный Кавказ пересе-

ленцев из внутренних областей России, разместившихся на сопредельных с чеченскими территориях. В прошении же на имя председателя Государственной думы от 15 января 1909 г. Зелимхан пояснил, что на путь разбойничества он встал лишь «вследствие несправедливого отношения властей»¹³. Узуна-Хаджи на этот путь всецело подтолкнуло предшествующее религиозное образование, сформировавшее соответствующий фанатичный настрой, с чуждыми для отечественного мусульманства установками, и на всех этапах борьбы он неизменно ориентировался на зарубежный Восток и, прежде всего, Турцию¹⁴. К воздействию общеимперской евразийской консолидации, охватившей население окраинной периферии, он оказался вследствие этого не восприимчивым.

Однако антироссийская направленность в деятельности разбойников выступала скорей всего лишь одним из проявлений сепаратизма, но отнюдь не национально-освободительного движения, для которого необходима, как известно, более широкая этнополитическая поддержка. Отряды разбойников, как мы видим, насчитывали от нескольких десятков до сотен человек, а их укрывательство зачастую вызывалось страхом перед возмездием. Соплеменники в преобладающей степени, как уже отмечалось, относились к ним отрицательно и взывали к той же русской власти о защите. Проблема эта для России, судя по распространенности набегов, и из-за скрытности действий разбойничьих отрядов представляла на рубеже XIX-XX вв. как весьма серьезная.

Сепаратизм на Северном Кавказе, между тем, отражал настроения лишь части населения, причем у большинства народов самой незначительной. Это позволяет сделать вывод об ошибочности отождествления сепаратизма и национально-освободительных движений. Не соответствует действительности и укоренившееся с 30-х гг. XX в. под влиянием взглядов И.В. Сталина теоретическое положение о том, что они развернулись «на месте царских колоний»¹⁵. Дополнением к нему служило ставшее «общепринятым» утверждение о специальном поддержании государственной властью вражды «между русскими и туземцами» для предания прочности са-

модержавному строю¹⁶. Данное представление основывалось, как ясно теперь, на копировании реальностей западных империй, в пределах которых не происходило государственно-политического срастания зависимых территорий.

Тем не менее в дальнейшем из-за сложившихся в отечественной исторической науке условий именно оно получало predetermined концептуально обоснования, не отличавшиеся ничем в изложении различных ученых. Широкое распространение при этом находило заключение о национально-освободительном характере движения горцев¹⁷. В последующие десятилетия оно обретало лишь несколько иные оттенки и детализацию. По мнению А.В. Фадеева, например, высказанному в начале 60-х гг. XX в., «такое движение не преследовало цель отделения кавказских территорий от России, а было в первую очередь направлено на ... решение аграрного вопроса и ликвидацию колониального режима»¹⁸. Для того периода эта мысль выглядела наиболее оригинально, но так и не получила необходимых разъяснений.

Подтверждая аграрную направленность всех разновидностей социально-го протеста, наблюдавшихся в крае, И.Ф. Мужев увязал их «с борьбой за освобождение угнетенных народов Кавказа от национального гнета царизма...»¹⁹, сместив тем самым, в отличие от А.В. Фадеева, акцент на стремление к установлению самостоятельности. По ходу предпринятой систематизации, которая действительно вскрывала нарастание общественно-политической нестабильности и важность решения обострявших ситуацию проблем, он неоднократно возвращался к неподтвержденному фактами тезису «о национально-освободительном движении горцев Северного Кавказа в начале XX в., ... особенно в годы революции 1905-1907 гг...», принявшим якобы «широкий размах» и охватившим «все народы многонационального Кавказа»²⁰. Взаимоувязанность выступлений горского крестьянства и действий разбойников «с национально-освободительной борьбой» без каких-либо существенных изменений отмечалась и в последующих исследованиях, посвящавшихся, как правило, изучению социально-эконо-

мических процессов в центре страны, на ее окраинах, в том числе и на Северном Кавказе²¹.

Российская инациональная периферия имела равноправный статус, к разряду колониальных по всем признакам, в том числе и фискальным, не относилась и была подвержена общегражданской интеграции. Сепаратизм – проявление, как видно из предпринятого анализа, более узкое, не всегда перерастающее в национально-освободительные движения, опиравшиеся, судя по мировым реальностям, на значительную часть или даже все население, выражавшее стремление к независимости. На Северном Кавказе, как и на других окраинах России, их не наблюдалось, и сепаратизм, при отсутствии широкой общественной поддержки обретал экстремистские и террористические вариации. Однако тот же опыт зарубежных стран, а в последние годы и отечественный, показывает, что и при отсутствии поддержки сепаратисты иногда достигают своих целей.

Такая угроза существовала и в рассматриваемый период, когда спустя полвека после окончания Кавказской войны Россия вновь столкнулась с нарастанием крупного регионального конфликта. Его появление в начале XX в. представители краевой администрации преимущественно связывали с обострением экономической ситуации, вызванной сокращением земельных наделов и предпринимали усилия к ее устранению. Утверждения же, что такого понимания не существовало, не объективны²². Тем не менее это свидетельствует об упрощенном подходе к решению сложной и опасной для государства проблемы. Немаловажную роль, например, в нарастании конфликта играл идеологический фактор, причем религия в нем не имела преобладающего значения, хотя в некоторых отрядах разбойников принимали участие и муллы²³. В тот период наблюдалось ослабление религиозности и фанатичности масс в ряде специфических местностей Северного Кавказа, с чем и сталкивались проповедники идей панисламизма, во все больших размерах проникавшие на эту и другие российские окраины «со значительным... мусульманским населением» из Турции и стран зарубежного Востока²⁴.

Набеги, в том числе с антирусской на-

правленностью, поддерживала, видимо, лишь какая-то часть мусульманского духовенства. В подавляющей массе оно осуждало разбой и в проповедях нередко предавало проклятию тех, кто их совершал. Такая позиция вызывалась не только тем, что оно Россию считало своим отечеством и поддерживало официальный курс в борьбе с этим злом, от которого, как уже говорилось, страдали сами горцы. Каноническая сущность самого ислама содержит строжайший запрет на такого рода действия. В отряды разбойников скорей всего попадали лишь малообразованные муллы, не знавшие по сути основ верования, предполагавшего за подобные проступки суровые меры наказания вплоть до смертной казни. Неслучайно, многие представители мусульманского духовенства при обострениях обстановки, связанных с набегами, настаивали на применении к разбойникам не правовых норм империи, казавшихся им достаточно мягкими, а именно шариата²⁵.

Когда же представитель чеченского народа Т. Чермоев, владелец нефтяных месторождений и ротмистр императорского конвоя, внес в правительственные инстанции в 1908 г. предложение для достижения успеха в борьбе с абречеством «...пороть целые аулы», предоставлявшие укрытие и не выдававшие их властям, влиятельные муллы поддержали это предложение²⁶. В данном случае заимствована практика, существовавшая в имамате Шамиля, где, действительно, при помощи таких жестких мер пытались искоренить «грабежи и разбой». Сам Шамиль, спустя годы возвращаясь к пережитому, отмечал, что для управления горцами была «необходима железная рука» и рассматривал «свою прежнюю жестокость, как ... печальную необходимость...»²⁷.

В донесениях с мест разгула разбойной стихии на Северном Кавказе на рубеже XIX-XX вв. напрямую увязывался с тем, что «туземцы не слушаются своих мулл»²⁸. Поэтому можно даже утверждать о не получившем на государственном уровне необходимой поддержки, неорганизованном противостоянии мусульманского духовенства распространению этого явления, разрушительного для стабильности в регионе и опасного для общества.

Делавшаяся ставка на его низшие слои, видимо, была не совсем последовательной²⁹. Изложенные выше факты, вместе с тем, указывают и на существенные перемены, произошедшие в идеологической сфере горских обществ по сравнению с эпохой Кавказской войны. На рубеже XIX-XX вв. мусульманская религия перестала играть прежнюю роль враждебного России фактора, превратившись и на этой окраине в элемент общероссийской и евразийской консолидации.

Идеологическую подпитку восстановлению набеговой традиции и усилению ее сепаратистских проявлений давал, судя по всему, главным образом, отход от реалистических оценок в восприятии прошлого, связанного с Кавказской войной и обстоятельствами включения региона в состав империи. Подводя итог длительному противостоянию вскоре после завершения столетия, имам Шамиль признал произошедшее ошибкой и на склоне лет искренне сожалел, что «не знал России и... ранее не искал ее дружбы»³⁰. К такому же осознанию приходили постепенно и многие его сподвижники, о чем свидетельствует, в частности, их поступление на военную или государственную службу в крае и за его пределами. Однако целенаправленной работы с оставшимися в нагорной полосе «Чечни и Дагестана» населением представители русской власти не проводили, видимо, полагая, что всё в условиях мирной жизни должно произойти само собой и на исходе Кавказской войны не произойдет каких-либо существенных изменений.

Между тем через три десятилетия, принимавшие участие в ней на стороне непримиримых, ветераны вступили в преклонный возраст. Преодолев усталость, они со временем все больше обретали склонность идеализировать относящиеся к молодости события, давая им свои интерпретации под соответствующим углом зрения. Панорама пережитого при этом, как всегда бывает в таких случаях, искажалась, ее детали предавались забвению. Подрастающие поколения воспитывались на героизированных и мифологизированных рассказах стариков о «газавате против русских» и имаме Шамиле, народном предводителе, возглавлявшем движение.

Его личность, как верно заметил В. Дегоев, занимавшийся в последние годы изучением идеологических процессов на Северном Кавказе в эпоху вхождения края в состав России, служила «одним из элементов, стимулировавших развитие...» националистических³¹, и, добавим, неотделимых от них, по сути сепаратистских, настроений. Происходила своего рода стихийная мировоззренческая организация исторических знаний и их концентрирование, относящееся к сфере самосознания, воплощение. Такой способ передачи информации о прошлом использовался с самых ранних этапов развития этнических сообществ, и от его качества не в последнюю очередь зависела их судьба и та или иная предрасположенность к внешним воздействиям.

Возрастной контакт сменявшихся поколений в специфических местностях Северного Кавказа при крайне низком уровне культуры и просвещенности населения оказался решающим в формировании представлений у части горцев. Грамотность у мусульманских народов в восточных пределах окраины не превышала 2%, и то, в основном, за счет духовенства, в западных она была несколько выше, достигая 5-6%³². Преобладающее значение этого контакта в становлении сепаратистских настроений и порождающих их мировоззренческих установок подтверждается и демографическими показателями. Натиск набегов был сильнее именно там, где происходил наиболее интенсивный прирост населения. В нагорных районах Терской области в среде чеченцев он составил, как уже отмечалось, 36,6%, а на сопредельных аналогичных территориях Дагестанской области – 23,5%. Неравномерность распространенности разбойничества у различных горских народов имела под собой, безусловно, и этнопсихологическую подоплеку.

Эти слагаемые как раз и предопределяли в совокупности наступление фаз избытка (подъема, взрыва) биосоциальной энергии пришедшей на смену спада (надлома, инерции). Появление их, как показывает восстановление набеговой традиции на северокавказской окраине России на рубеже XIX-XX вв., зависит не только от естественных факторов (природно-

климатических, экономических и иных), но в значительной мере предопределяется, что не принимал во внимание Л.Н. Гумилев, автор теории пассионарности³³, организации и реорганизации на основе исторических знаний. В каком направлении она происходила в нагорных районах «Чечни и Дагестана», некогда служивших опорой Шамилю в войне против России, становится очевидно. Этому фактически ничего не было противопоставлено.

Негативные последствия контакта поколений, способствовавшие восстановлению набеговой традиции и ее сепаратистской трансформации, могли быть смягчены целенаправленным просвещением местных народов, но политика государства в данном отношении не была до конца оформлена. Поиск ее содержания затягивался, в нем были лишь верные наброски, реализация которых наталкивалась на те или иные препятствия. Высшая администрация края считала необходимым, «признавая самобытность отдельных мусульманских народностей и право на свободное исповедание ими их религии, воздействовать на них посредством приобщения ... к русской культуре и насаждения среди них начал русского правосознания»³⁴. К числу важнейших мер, «направленных к сближению горцев с империей», относилось также развитие «их духовной природы с помощью образования»³⁵. Для этого во всех отделах военно-народного управления производилось устройство горских школ³⁶.

По мере же развития интеграционных процессов возрастала постепенно и тяга у коренных народов Северного Кавказа к обучению подрастающих поколений в российских учебных заведениях. Еще в 1893 г. начальник Кубанской области в одном из отчетных посланий известил вышестоящие инстанции: «В последнее время среди горского населения ... замечается большое стремление к образованию. Потребность эта настолько велика, что имеющиеся горские вакансии в Ставропольской гимназии и Майкопской горской школе далеко не удовлетворяют всех желающих учиться»³⁷. Ходатайства об открытии школ в равнинных и нагорных аулах в органы власти поступали в большом количестве и в Терской области, особенно после 1905 г., а с 1910-1911 гг. это

требование даже усилилось. То, что «с просвещением русская власть запаздывала», осознавали и представители краевой администрации³⁸.

С 1905 г. для «быстрейшего достижения ... русификации» и укрепления основ государственной власти были внесены изменения и в политику просвещения местных народов. Прежде всего намечалось увеличить число низших школ, находящихся под контролем администрации. В них предусматривалось обучение на родном языке, а преподавание было предоставлено двум учителям: мулле и русскому³⁹. Отстаивая этот принцип организации учебного процесса в горских районах, наместник ссылался прежде всего на то, что «...правильно поставленная русская народная школа, с началами грамотности на материнском языке, является первейшим средством для воздействия на мусульман русским мировоззрением»⁴⁰. Подобная практика существовала уже в Туркестанском крае, где русско-туземные школы стали появляться еще с 1885 г.⁴¹.

Помимо России такие же подходы к организации образования практиковались и в Британской Индии, для населения которой создавались англо-туземные школы с обучением на местном языке и на языке империи. Признавалось и то, хотя и не сразу, что преподавание в колониях должно вестись на родном языке⁴². Как на российских окраинах, так и в британских колониях, подобная система обучения давала неплохие результаты. На северокавказской окраине она так и не получила широкого распространения⁴³, и здесь к 1917 г. одна низшая школа приходилась в среднем на 5, а в Дагестанской области – на 20 тыс. человек⁴⁴. По этим показателям заметно, что изменить неблагоприятную для России цивилизационную ситуацию в национальных районах края не удалось.

В начале XX в. здесь при мечетях действовало более 2-х тыс. мектебе и медресе⁴⁵. Из них 45% приходилось на восточную часть и только 2,1% – на западную⁴⁶. Мектебе выступали школами низшего типа, по законам Российской империи для их открытия не требовалось официального разрешения ни краевой, ни верховной власти. Оно зависело только от наличия учащихся и тех, кто изъявлял готовность вос-

ти преподавание. Поэтому мектебе имелись во многих аулах. Медресе служили учебными заведениями более высокого уровня и существовали лишь в наиболее крупных населенных пунктах⁴⁷. Отношение к этим учебным заведениям среди туземных народов постепенно менялось, из-за чего количество их постоянно сокращалось. Они функционировали вне государственного надзора и финансовой государственной поддержки не получали. Преподавание в них зачастую вели посланцы из мусульманских стран зарубежного Востока, преимущественно из Турции, насаждавшие чуждые России понятия⁴⁸, что способствовало, безусловно, усилению предрасположенности к сепаратизму.

На эти учебные заведения опиралась чаще всего и иностранная агентура, проникавшая на эту окраину для проведения агитации за отторжение Кавказа от России⁴⁹. Ее деятельность на данном направлении особенно активизировалась с 1914 г. Среди населения распространялись прокламации на арабском языке, в которых оно призывалось к восстанию. В них давались заверения в том, что на помощь подоспеют «турецкие отряды». Начало выступления приурочивалось к какому-либо из религиозных праздников (уразы и т.п.). Для эффективности такой пропаганды проповедники чаще всего выдавали себя за мулл, но и это прикрытие не способствовало успеху. Их усилия находили отклик только у части туземных обществ преимущественно в нагорных районах⁵⁰. Тем не менее, это также в какой-то мере оказывало влияние на развитие нестабильности в регионе.

Однако в большинстве аулов, особенно в равнинных округах, население оказалось к такой агитации невосприимчивым, и, согласно поступавшей в краевые органы власти информации с мест, «многие проповедники такого рода были изгнаны и даже убиты»⁵¹. Усиленную работу среди горцев проводила, кроме того, агентура Германии, действовавшая, в том числе, при помощи турецких эмиссаров. Это присутствие по мере обострения кризиса российской государственно-политической системы значительно возрастало и самого высокого уровня достигло в 1917 г. Ее представители не жалели средств, «под-

бивая молодежь на грабежи и разбои». Расчет при этом делался на то, чтобы «не давая покоя казакам... вывести их из терпения» и спровоцировать «...на открытую войну с горцами»⁵².

В создавшейся обстановке правительство постепенно теряло инициативу, допускало ошибки. В какой-то мере это обуславливалось тем, что его представители в краевых органах власти, обретавшие административный опыт еще по ходу Кавказской войны и после ее завершения, прослужив положенные сроки выходили в отставку. К рубежу XIX-XX вв. вследствие этого произошла наиболее массовая смена управленческих кадров, а вместе с ней стала утрачиваться преемственность в проводимой политике. Эта смена не была подготовлена и ничем не балансировалась. После включения в состав России ряда южных периферийных территорий резко сократились объемы востоковедческого образования, которому когда-то в империи уделялось должное внимание, и оно не в последнюю очередь способствовало утверждению позиций на Кавказе.

Достижения же его получали в свое время и мировое признание, равно как и основанная на них государственная политика. Европейцам, например, на улицах и базарах Тегерана, а также в других иранских городах, часто приходилось слышать возгласы: «О, Аллах, ... когда же ... русские придут!?»⁵³. Существовал своеобразный устойчивый настрой в отечественной науке (как и в литературе) на глубокое познание и понимание традиционных ценностей народов российского Востока, выступавший отражением «российскости»⁵⁴, сыгравшей ключевую роль в установлении единства относящихся к нему окраин (Кавказа и др.) с Россией. Именно благодаря этому в XIX в. удалось добиться перелома крайне неблагоприятной для империи геополитической ситуации в самых взрывоопасных регионах. Опираясь на мощный потенциал ориенталистики, Россия смогла обрести, по мнению современного исследователя Р. Шукурова, «свой собственный взгляд на Восток ...», установила лидирование «в освоении исламской культуры»⁵⁵.

Однако эти достижения отвечали, прежде всего, требованиям своего времени и

были, как показала последующая практика, всего лишь началом, сменившимся вскоре ослаблением научных поисков. Их значимость с завершением процесса формирования территориальных пределов России утрачивает прежнюю остроту. В одной из моих публикаций уже отмечалось наличие не осознанной пока взаимосвязи между ослаблением «просвещенности», сокращением объема преподавания восточных языков и соответствующей подготовки специалистов, наметившейся к концу XIX в., и началом на некоторых окраинах, в том числе и на Кавказе, опасных для страны процессов⁵⁶. Призыв в восточные районы управленцев, не понимавших местной специфики, лишь усугублял положение⁵⁷.

Об этом свидетельствует, в частности, и назначение главноначальствующим князя Голицына, не имевшего соответствующей подготовки к управлению столь сложным краем и вознамерившегося «...русифицировать Кавказ не нравственным авторитетом, не духом ...», на что делался упор на предшествующих этапах, «а насилем и полицейскими приемами»⁵⁸. Усилия вышестоящих инстанций в С.-Петербурге сдержать его в этом намерении ни к чему не привели, так как он пользовался поддержкой Николая II⁵⁹, при котором стали допускаться попытки отхода от прежних принципов обустройства Российской империи и введения элементов, присущих универсалистским образованиям Запада⁶⁰.

В основе же взаимоотношений российских окраин с центром лежал политический компромисс, способствовавший, как показывала практика, укреплению единства и расширению параметров интеграционных процессов на Северном Кавказе, включая те местности, где в силу особых обстоятельств сложились в прошлом специфические условия. Признавалось это в начале XX в. и в среде туземной интеллигенции. Весьма известный в тот период депутат от Дагестанской области в Государственной думе Гайдаров выделил это различие в следующем сравнении: «В эпоху первых наместников ... на Кавказе был введен такой строй, который считался с потребностями и интересами населения..., соответствовал психологии горцев...», выступая, как подчеркнуто далее, «переходной сту-

пенью к высшей форме общения»⁶¹. Этим, по его утверждению, объясняется и то, что «... в те времена разбоев и грабежей не наблюдалось, за редкими исключениями, хотя горцы только ...были присоединены»⁶². На самом деле все было, конечно же, не так просто и явление складывалось из различных обстоятельств и факторов.

В их числе и отход от прежней практики управления, особенно появление в проводимой политике тенденции «узкого национализма», «... при котором, – по словам С.Ю. Витте, – все не русские должны почитаться не настоящими сынами России и верноподданными государя»⁶³. Хотя этот отход не затрагивал всю систему государственно-политических отношений и был лишь частичным, он в свою очередь способствовал, тем не менее, провоцированию сепаратистских настроений у имевших к ним предрасположенность слоев туземного населения. Таким образом подтверждался прогноз С.Ю. Витте о том, что принцип «узкого национализма», использовавшийся весьма широко в других странах мира, России, выступавшей отечеством для многих народов, входивших в ее состав, «...ничего, кроме вреда принести не может ...»⁶⁴.

Когда в 1901 г. военному министру генерал-адъютанту Куропаткину поступило донесение командующего войсками Кавказского военного округа о значительном усилении нападений на Хасав-Юртовский округ Терской области, на записке, представленной об этом по Главному штабу, он наложил резолюцию: «Надо вооружить русское население». Предполагалось вооружить казачество Кубанской и Терской областей, а также русское (не казачье) и вообще не туземное население, которое близко соприкасалось с местами расселения горцев⁶⁵. Тем самым власть упрощала возможности устранения конфликта, дополнительно создавая прецедент межэтнического противостояния. Столкновения между казаками, более мобильной и лучше приспособленной к обстановке военной экстремальности части русского населения, и туземными обществами из-за действий разбойников, становились и без того достаточно частыми.

В начале XX в. отчетливо обозначились в связи с восстановлением набеговой

традиции признаки нарастания конфликта, имевшего свойства стихийности и непредсказуемости. Устойчивость явления, «землихановщины», порождала склонность к обвинению в содействии разбойникам всего туземного населения, что было, как свидетельствуют факты, неверно. Такая поддержка, безусловно, не опиралась на большинство, но неопределенность ситуации порождала озлобленность и подозрительность, которая не имела разграничений по каким-либо определенным этническим признакам и втягивала в конфликт все сообщества края. Так, подвергавшиеся нападениям абреков осетины, кабардинцы, лезгины и другие народы, по поступавшим в органы власти с мест донесениям, «ненавидели ингушей и чеченцев». При обострении межнациональных отношений в среде русского населения, например, в г. Грозном, намечались вспышки погромных движений под лозунгом «Бей чеченцев!», куда вовлекались казаки и солдаты воинских частей. Со стороны отдельных его представителей следовали предложения «выселение с Кавказа ингушей и чеченцев в Сибирь для водворения порядка». Проявлялась и склонность искать объяснение существования разбойничества в том, что «каждый горец по природе хищник». Придерживавшиеся таких же взглядов руководители оказывались, как правило, не на высоте положения⁶⁶.

Попытки разоружения инородческого населения на фоне вооружения сопредельных казачьих станиц лишь подрывали престиж русского владычества в крае. Это подталкивало и администраторов из туземных обществ на аналогичные действия по отношению к русскому населению, особенно в периоды ослабления центральной власти. О размерах дестабилизации обстановки вследствие грабежей и разбоев можно судить в том числе по подаваемым прошениям, содержащим одни и те же просьбы о защите. Они поступали в большом количестве в Совет министров и иные правительственные инстанции от различных обществ, уполномоченных Кавказского комитета овцеводства и т.д. Владикавказская дума ходатайствовала об установлении военной охраны в городе, подвергавшемся частым нападениям. В создавшихся условиях периодически про-

исходили ответные действия, имевшие весьма трагические последствия⁶⁷.

Наиболее крупным и вследствие этого заметным в масштабах всей страны явилось событие 28-29 мая 1906 г. вокруг ингушского аула Яндырка, спровоцированное убийством его жителя на территории станицы Троицко-Карабулакской. После этого между казаками и ингушами данных населенных пунктов завязалась перестрелка. В конфликт включились казаки ряда других близлежащих станиц и совершили совместное нападение на аул. Для его обороны подоспели отряды ингушей из соседних селений. Сражение на его подступах продолжалось два дня. Оказавшись в отчаянном положении, ингуши обратились за помощью к власти. Начальник второго участка Назрановского округа срочно переслал донесение в вышестоящие инстанции, так как не располагал необходимыми силами для восстановления порядка.

Несмотря на серьезность конфликта и его возможные отрицательные последствия в условиях многонационального края, помощь из Владикавказа подоспела с опозданием. Прибывшие на место батальон пехоты Апшеронского полка, пулеметная рота и три сотни казаков из-за попустительства командования приняли участие в разгроме аула. Настоятельные просьбы начальника округа полковника Котляревского «не громить беззащитный аул» не остановили трагедии. Старики, женщины и дети в ужасе разбежались в соседние леса. Среди защитников имелись убитые и раненые⁶⁸. Данный случай проявления «узкого национализма» в разрешении непростой ситуации лишь дестабилизировал и без того сложную обстановку. Он провоцировал туземное население на такой же экстремизм и в действительности усугубил положение.

У ингушей возникло опасение, что их «...хотят истребить...». По этому поводу последовало даже обращение в Государственную думу, в котором они говорили, что им негде искать «справедливости и защиты». По их утверждению, куда бы они не обратились, им везде отвечают: «С казаками мы ничего не можем поделать». В телеграмме уполномоченных ингушского народа содержалась просьба «назначить...

следствие по ... делу» и удалить исполнявшего в момент столкновения обязанности областного начальника генерала Ржевуского, а также тех командиров подразделений, которые попустительствовали погрому. Это касалось и атамана Сунженского отдела генерала Суворовского, возглавлявшего прибывшие к месту происшествия сотни казаков. Он-то как раз и сыграл главную роль в инциденте, следуя своим прежним обещаниям «согнуть в бараний рог горцев» за грабежи и разбои.

Производившие впоследствии по поручению наместника расследование военные также сообщили ему в секретном отчете, что «главными виновниками если не начала вооруженного столкновения, то во всяком случае его развития и перестрелки ... являются административные лица»⁶⁹. Меры, принятые по итогам расследования, возымели воздействие лишь на какое-то время. И.И. Воронцову-Дашкову не удалось, несмотря на предпринимавшиеся усилия, добиться перелома. Отклонения в проводимой политике в связи с притоком не имевших опыта кадров продолжались. В 1910 г. при преследовании абреков, предводимых Зелимханом, по вине ответственных за операцию был допущен вновь погром нескольких ингушских аулов, заподозренных в укрывательстве разбойников⁷⁰. Такие же действия в отношении туземного населения предпринимались отрядами, посылавшимися для поимки разбойников, и в других местах края. Так, один из них под командой Ляхова подверг обстрелу из артиллерии и несколько осетинских селений (по всей видимости, мусульманских. – В.М.)⁷¹.

Необходимо заметить, что отношения между ингушами и казаками стали обостряться из-за состояния аграрной перенаселенности, наступившего на Северном Кавказе на рубеже XIX-XX вв. Это вызывалось целым комплексом разнообразных причин, среди которых немаловажное значение имел рост численности туземного населения. В его среде все большее хождение получали разговоры о «насильственно отобранных землях», заселенных впоследствии казаками. Недовольство вызывала и возрастающая плата за аренду сельскохозяйственных угодий в станицах⁷². Казаки в свою очередь считали эти

земли своими, добытыми «исторической славой». По их утверждениям, «общественная отдача в аренду станичной надельной земли ... не приносит ... особых выгод». На самом деле, занимая всего лишь 28% всей территории Терской области, казаки владели, по свидетельству их идеолога М.А. Караулова, около 90% этого пространства еще в XVI-XVIII вв., в XIX в., когда происходило включение горских обществ в российские пределы, они получили только незначительную часть земли⁷³.

Факты показывают, что правда в данном споре была и на стороне казаков, и на стороне горцев, в его разрешении нельзя было становиться всецело на какую-либо из точек зрения. Поземельные отношения в крае издавна носили весьма запутанный характер, России досталось непростое наследие, которое, несмотря на предпринимавшиеся усилия, так и не было упрямлено. Отбирание земельных участков у тех, кто был на ее стороне, весьма широко практиковал именно имам Шамиль⁷⁴. После окончания Кавказской войны представители русской власти попытались разрешить аграрный вопрос для только что покоренного населения, и часть туземных обществ, расселенных в Нагорной полосе Терской области, переместили на равнину. Но этот процесс вскоре был приостановлен вследствие того, что запасы свободных земель истощились. Казачьи же станицы на Северо-Восточном Кавказе дополнительно размещались преимущественно там, где проживали когда-то племена, выселившиеся в Турцию, горцы же, за редким исключением, вытеснению с занимаемых земель не подвергались.

Поселения казаков в некоторых местностях выполняли функции разграничительных линий для предотвращения столкновений между враждовавшими между собой на протяжении многих веков различных этнических общностей края. Например, для прекращения столкновений между ингушами и осетинами, которые до этого были постоянными и сопровождалась жертвами с обеих сторон.

В указанный промежуток времени в конфликт с ингушами и чеченцами были втянуты казаки. Только в 1905-1907 гг. произошло несколько кровопролитных межнациональных столкновений. Станич-

ные общества, встревоженные тем, что «туземная преступность, достигла небывалых размеров», вырабатывали меры борьбы с ней и составляли по этому поводу в огромном количестве специальные приговоры. Пострадавшие и ограбленные, не полагаясь на возможности краевой власти, искали защиты в Совете министров и в Государственной думе, подавая все новые и новые прошения⁷⁵.

В горских обществах весьма широко велась агитация «за отобрание казачьих земель», что усиливало напряженность. Это неоднократно подтверждалось и оперативными наблюдениями. Так, в результате одного из них было установлено, что такую агитацию в нагорной Чечне вел Т. Эльдарханов, депутат государственной думы 1 и 2-го созывов от Терской области. Он настраивал проживавших там чеченцев на скорый возврат «...всех земель, отнятых у них для казачьих станиц...»⁷⁶. Данная пропаганда также оказывала влияние на формирование мировоззренческих установок и для стабильности в регионе имела негативные последствия.

Однако реакция на события у аула Яндырка, была неадекватной обстановке и порождала у ингушей законное чувство обиды. Она послужила в том числе появлению версии «о намеренном угнетении русской государственностью туземных народностей», нашедшей отражение первоначально в ряде думских запросов, а затем превратившейся в целую концепцию, обретшей на последующих этапах монопольные позиции в науке. Негативная информация о России, отражавшая одну из тенденций в ее развитии в условиях кризиса в начале XX в., стала абсолютизироваться и отрываться от контекста исторических реальностей.

Критические возражения, следовавшие в 1911 г. лишь от библиотекаря «Терского общества казачьей старины» Г.А. Ткачева, хотя и опирались на объективные сведения⁷⁷, оказались в конечном итоге в связи с усилением иных представлений всего лишь эпизодом в защите правды о прошлом. Его труд с весьма красноречивым названием «Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области» с интересом был выслушан казаками, входившими в общество, и одобрен ими. Его

главная идея была призвана работать, как видно, на единство с горцами. Примечательно, что и после столкновения с казаками, ингуши возлагали надежды на русскую власть, что нашло выражение в обращении их в Государственную думу. В подавляющей массе они были чужды сепаратистским устремлениям и связывали свое будущее с обновлением, озарившим «все российские народности», подтверждая еще раз «горячую любовь к России»⁷⁸.

Тем не менее межнациональные столкновения при другом стечении обстоятельств могли превратиться в условие разрушения. Опасность недооценивалась, видимо, и на самом высоком государственном уровне. На это, в частности, указывает реакция Николая II на сообщенные ему тревожные сведения о том, что «столкновения между чеченцами и казаками, живущими по соседству, приносят материальный ущерб и человеческие жертвы...». На просьбу в связи с этим «принять меры к смягчению обстановки» он легкомысленно ответил: «По моему мнению, именно это соседство и поддерживает в казаках их старую дедовскую удаль, а посему принимать меры к смягчению обстановки нет никакой надобности»⁷⁹. Это уже потом, после того как стали очевидными допущенные ошибки, произошел возврат к прежней политике России в отношении окраин, и Николай II как носитель верховной власти всячески ему содействовал. Но исправить упущения оказалось непросто.

Для этой цели, тем не менее, предпринимались, хотя и с опозданием, необходимые меры. Прежде всего, из государственного аппарата были устранены несоответствующие своему положению представители власти. В него были привлечены новые административные силы. Недостаток опытных кадров отчасти начали восполнять за счет ветеранов Кавказской войны, хорошо знавших местную специфику⁸⁰. Это нашло выражение и при восстановлении, по указу царя, в 1905 г. наместничества, что должно было, как предполагалось, способствовать преодолению проявлений «национальной обособленности...»⁸¹. Во главе его был поставлен граф И.И. Воронцов-Дашков, принимавший участие в покорении Северо-Восточного Кавказа и

штурме Гуниба. Как личный представитель монарха наместник имел неограниченные политические полномочия, действовал по собственному усмотрению, а в случае «беспорядков» мог также принимать решения о применении силы оружия⁸².

Вместе с тем, по его настоянию для разработки способов противодействия «преступности» созываются смешанные съезды из посланцев русского и туземного населения Кавказа: в июне 1907 г. во Владикавказе – ингушей и осетин, в апреле 1909 г. в Грозном – туземных народов и т.д. В их состав для повышения авторитетности решений в обязательном порядке включались муллы, кадии (судьи), старшины, начальники участков, почетные старики различных обществ, шейхи, землевладельцы, представители казачества, офицеры из инородцев и русских и т.д.⁸³. Наряду с этим было предпринято изучение предшествующего опыта управления Кавказом.

По поручению наместника редактор военно-исторического отдела при окружном штабе С. Эсадзе в 1906 г. завершил работу над рукописью обстоятельной записки об административно-политическом обустройстве края после вхождения его в состав России, где показывалось в том числе, как на разных этапах русскими властями учитывались туземные обычаи и традиции. После знакомства с ней наместник граф И.И. Воронцов-Дашков, не взирая на сложности революционного времени, отдал распоряжение незамедлительно выделить средства на ее публикацию, что было беспрекословно исполнено канцелярией его ведомства. Уже в следующем, 1907 г., записка была полностью напечатана⁸⁴.

Необходимо заметить, что стремление справиться с нестабильностью в регионе с опорой на исторические познания также опиралось на опыт утверждения владычества России на Кавказе, который показывал, как и в других аналогичных случаях, что они являются не менее эффективным средством стабилизации, чем опора только на силу оружия. По крайней мере, они помогают действовать осознано, а не в слепую. В ту эпоху успех предопределяли двойственные подходы: концентрированное воздействие на ситуацию при помощи всемерного поддержания нравственного

авторитета России и проведение войсковых операций там, где этого требовали обстоятельства. При этом покоряемым народам показывалось, что примирение делает их без каких-либо исключений полноправными подданными империи.

Некоторые ограничения устанавливались для них, согласно официальных разъяснений, лишь на переходный период, «...исходя из ...духа вновь покоряемого народа» и предполагалось, что они «дадут время и средство» для того, чтобы «удержание горцев в покорности военной силой сменилось владычеством, основанном на нравственной силе»⁸⁵.

В начале XX в., несмотря на наметившиеся отклонения, официальная позиция по-прежнему в преобладающей степени сводилась к намерению поставить население Кавказа «в уровень с населением внутренней России...». Разъясняя ее основополагающую направленность, наместник граф И.И. Воронцов-Дашков дал и более точное определение ее содержания: «...верноподданные кавказцы должны стать... действительными сынами общего отечества...»⁸⁶. Вместе с тем он, как и другие руководители, осознавал, что исключить применение силы оружия в урегулировании обстановки невозможно, поскольку дестабилизация достигла угрожающих для государственной безопасности пределов. Именно его применение в сочетании с концентрированным воздействием предопределило исход Кавказской войны в интересах России и большинства туземных народов края. И после ее завершения «неотвратимость наказания» выступала важнейшим элементом поддержания порядка. Пока этот критерий, являющийся важнейшим показателем эффективности любой государственной власти, выдерживался, разбоев и грабежей в крае в первые десятилетия после окончания Кавказской войны не наблюдалось.

Тем не менее на местах в ряде случаев допускались искажения, и некоторые исполнители делали ставку лишь на силовое воздействие в стремлении как можно быстрее прекратить разгул разбойной стихии. С таких позиций действовал, например, капитан Генерального штаба Вербицкий, возглавлявший неоднократно карательные экспедиции в Терской и Даге-

станской областях. Так, в 1907 г. в своем послании наместнику он изложил следующие соображения на перспективы урегулирования ситуации: «Я бы предложил им (чеченцам) или открыто присоединиться к Зелимхану, или выдать его нам, рискуя в противном случае имуществом и даже жизнью». По его убеждению, войскам «...гораздо легче справиться с целым многосемейным народом, чем с шайкой, которую он прячет»⁸⁷.

При этом игнорировался потенциал самого туземного населения, который, как мы видели, задействовался последовательно по ходу Кавказской войны и способствовал успешному для России ее завершению. Подавляющая часть того же чеченского народа, в среде которого разбойничество получило наибольшее распространение, как показывают факты, не хотела обострения отношений с русской властью и населением. Об этом, в частности, свидетельствует и то, что когда стали производиться наборы стражников из горцев для охраны помещичьих имений в центральной России, где происходили массовые выступления крестьян, чеченцы выразили по этому поводу крайнее недовольство. В отношении тех, кто записывался, сыпались проклятия: «Дай Аллах, чтобы все погибли, никто из вас не возвращался бы назад, что вы хотите позорить свой народ, накликав беду на его голову».

На следующий же день после отправки стражников, 17 июня 1906 г., от имени чеченского народа доверенными лицами была послана телеграмма Д. Муромцеву, председателю Государственной думы, а копии – депутатам от Терской области Т. Эльдарханову и А. Маслову. Ее экземпляр был направлен и наместнику его императорского величества на Кавказе графу И.И. Воронцову-Дашкову. В телеграмме содержалось требование прекратить «вовлекать чеченцев в позорную сделку», стражников немедленно вернуть, так как они «могут явиться источником раздора, народной распри и вооружат против чеченцев многомиллионный русский народ». В тексте была сделана также приписка, что эту обеспокоенность «разделяет и русская часть населения»⁸⁸.

Туземные общества по всему Северно-

му Кавказу изъявляли и готовность включиться в борьбу с набегами. Для этого предпринимались соответствующие инициативы, показывавшие, что явление пользовалось лишь частичной поддержкой. Население Кюринского округа Дагестанской области, например, убило действовавшего там не один год разбойника Бабу, а двух его товарищей выдало капитану Вербицкому. В кабардинских и балкарских аулах были созданы специальные отряды для противодействия разбойникам. В 1911 г. ингуши образовали охранную сотню, занимавшуюся преследованием мелких преступников и грабителей. Однако те, кому тогда была вверена судьба края, не сумели, как видно, воспользоваться этой возможностью и относились к ней даже с некоторым недоверием.

Из Терской постоянной милиции уволены были почти все горцы. Высказывалось мнение о необходимости укомплектования её «исключительно русским элементом из отставных казаков и запасных нижних чинов». В одном из приказов численность горцев была установлена в пределах 10%. Превышение этого показателя считалось недопустимым⁸⁹. Впоследствии это формирование, превратившееся в смешанное по составу, было преобразовано на таком же принципе в Терскую охранную стражу, куда привлекались прежде всего кровники абреков и казаки⁹⁰, наиболее заинтересованные в достижении поставленных задач.

Основания для такого недоверия, безусловно, были. Некоторые служащие из туземцев оказывали содействие разбойникам, передавали им информацию и т.д. Так, население Закатальского округа Дагестанской области, обращаясь в правительственные инстанции за помощью, обвинило начальника Кахского участка в сношениях с шайкой разбойника Джавад-оглы. «Разбой возведен, – как констатировалось не раз по мере обострения ситуации в крае, – в правильную систему, находящую себе покровительство в некоторых представителях низшей администрации»⁹¹. Но в восприятии этих рецидивов, тем не менее, отсутствовала должная объективность и, вследствие этого, допускались преувеличения. На возможность использования потенциала местного населения в борьбе с

разбойниками указывает, прежде всего, то, что всеобщей поддержки у них не было. Продолжающая же фигурировать в историографии версия, появившаяся ещё в 20-30 гг. XX в., с утверждением обратного, представляется надуманной. Помощь русской власти со стороны местного населения могла принять и более массовые размеры, если бы престиж ее не подрывался изложенными выше обстоятельствами.

Отношение к ней существенно меняла к худшему коррупция, получавшая широкое распространение, особенно в низших звеньях административного аппарата, места в котором занимались только представителями туземного населения, в соответствии с российской практикой управления окраинами. Допускались они и на более высокие должности. Так что дискриминации в данном случае, в отличие от европейских универсалистских образований, не существовало. Туземная пресса в Индии, например, долгое время противопоставляла скупости, с которой англичане назначали представителей коренного населения в управленческие структуры, «благородство русского правительства», допускавшего своих подданных в Азии и на Кавказе «на высокие ответственные посты»⁹², не говоря уже о низших звеньях административного аппарата.

Представителям коренных народов в Британской Индии предоставлялись преимущественно низшие должности, а все важнейшие ниши в структуре управления занимали англичане, стремившиеся к быстрейшему обогащению и возвращению в метрополию. Им были присущи, как отмечали наблюдавшие их деятели в зависимых странах, «...черты корыстолюбия, честолюбия, даже жестокости...», они были по сути безразличны к судьбе штатов, на которые простирались их властные полномочия⁹³. Русские чиновники рассматривали губернии и области на Кавказе и на всех остальных окраинах как внутренние территории единого Отечества.

Если в Британской империи действовал принцип «национальной исключительности», в России право гражданства предоставлялось изначально. Английский путешественник Ф. Скрин, имевший возможность сравнить особенности обустройства ее

окраин и европейских колоний в различных регионах мира, с восхищением заметил, что даже «завоеванные ... сразу же становятся русскими гражданами и получают право селиться в любой части...» государства⁹⁴. Разница заключалась и в том, что если в британских колониях, в том числе и в Индии, за все время владычества отчужденность между английской администрацией и подвластным населением так и не была преодолена, в России она постепенно исчезала. Поэтому деструктивные тенденции в управлении на ее окраинах так или иначе затрагивали всю систему государственно-политических отношений и способствовали ее разбалансированию.

На рубеже XIX-XX вв. в инородческих районах Северного Кавказа все более широкий размах принимало изгнание старшин из сельских правлений, злоупотреблявших своим положением и замешанных в коррупции. Выдвигалось требование их выборности, а не назначения, что ставило еще в большей степени деятельность низших звеньев административного аппарата под контроль аульных обществ⁹⁵. Нельзя сказать, что он был полностью охвачен, употребим выражение С.Ю. Витте, «порочностью» и разложением, способствовавшим нарастанию «смуты»⁹⁶. Как уже отмечалось, были старшины, честно выполнявшие свой долг перед соплеменниками и государством. Несмотря ни на что, они оставались верны данной однажды присяге. Выдвигавшееся же требование выборности старшин, повышавшее статус местного самоуправления, являлось вполне справедливым, жесткая реакция на него лишь подрывала престиж русской власти и в свою очередь провоцировала распространение сепаратистских настроений. Только с 1905 г. в данном вопросе наметились изменения. Возглавив управление краем, граф И.И. Воронцов-Дашков предпринял специальную поездку по Кавказу с целью непосредственного изучения нужд туземного населения.

Во время посещения Терской области представители от горских народов подали ему несколько прошений. Среди них были и ходатайства о предоставлении сельским обществам права избирать самим старшин и об упорядочении их сельских сходов⁹⁷.

Это поставило бы деятельность чиновников такого ранга под большой контроль местного самоуправления, ограничило бы возможности для них злоупотребления служебным положением и несколько расширяло автономность во взаимодействии с имперскими правительственными структурами. Как видно, просьбы за пределы этих уступок не выходили. По настоянию наместника в том же 1905 г. они были сделаны. В последовавшем положении «Об инородцах» горским и кочевым народам было предоставлено «право выбора своих гражданских и духовных должностных лиц, а также старшин»⁹⁸. Следовательно, вряд ли можно признать объективными утверждения о том, что в изгнании старшин и выдвижении туземными обществами требования их выборности отражалась «многолетняя и упорная борьба с русской властью»⁹⁹. Об этом, в частности, свидетельствуют и обращения к высшим ее представителям с прошениями об изменении принципов функционирования низших звеньев административного аппарата.

В меньших размерах с коррумпированностью туземного управленческого персонала столкнулась и Англия, после того как в своих колониях стала допускать его коренизацию. Подкупными оказались в том числе и суды, составлявшиеся из жителей зависимых провинций. Попытки поставить их под надзор английских чиновников так и не привели к кардинальным изменениям¹⁰⁰. Коррупция же на Кавказе выступала, кроме того, своего рода связующим звеном между отдельными представителями власти и разбойниками. Получавшие от них взятки чиновники разных уровней потворствовали, по сути, грабёжам, покрывая преступников. Замеченные в этом, правда, сразу же отстранялись от должностей и подвергались арестам¹⁰¹. Тем не менее коррупция была достаточно распространённой и, несомненно, понижала эффективность борьбы. Такую же роль она играла и в других пределах империи. Например, в той же Бессарабской губернии даже высокие полицейские чины брали у боевиков, связанных с партией эсеров, «крупные взятки..., а в качестве ответной любезности закрывали глаза на их преступления»¹⁰².

Но на северокавказской окраине описываемое явление – срастание государственного аппарата с преступными элементами на основе коррупции приняло наиболее угрожающие формы. В 1908 г. по этому поводу в Государственную думу был внесен «Кавказский запрос», в котором авторы выступили с тревожным обличением краевой администрации. На заседании 20 декабря внимание присутствующих было обращено на то, что на Кавказе «идет развал на почве лихоимства, мздоимства, потворства со стороны русской администрации националистам». После обсуждения запроса последовало лишь обращение «высоко держать на Кавказе знамя русской государственности», не имевшее каких-либо последствий. В 1911 г., выступая в кадетской фракции, в которой происходило очередное рассмотрение вопроса, Вербицкий, владевший как практик наиболее достоверной информацией, открыто признал, что «чины администрации сносились с разбойниками», вследствие чего престиж правительственной власти оказался подорванным¹⁰³. Высшие ее представители, в частности администраторы на местах, включая наместника И.И. Воронцова-Дашкова, руководствовались нравственными критериями и болевшие душой за державу, не смогли этому что-либо противопоставить. А коррупция тем временем продолжала расшатывать устои империи.

Несмотря на это, авторитет России на Кавказе сохранялся. Так, английский путешественник, отец Гарольд Бэксон, посетивший край в 1914 г., а до этого бывавший неоднократно по делам веры в колониях Британской империи, с восхищением отмечал: «...Русские чиновники никогда не проявляют в отношении к туземцам той надменности и презрения, какие являются характерной чертой британских чиновников в наших колониях». Увиденное позволило ему выделить далее и то, что «...русская природная доброта и радушие» дают им возможность быть на равных с местным населением и это «...не только не роняет, а, наоборот, увеличивает престиж русской власти...»¹⁰⁴.

Его вполне можно было задействовать для преодоления сепаратистских проявлений. Для этого нужна была соответ-

вующая политика, опирающаяся в том числе, как и в эпоху Кавказской войны, на потенциал самого туземного населения. Возможности же данного потенциала в начале XX в. были, несомненно, выше, чем в тот период. Однако для этого делалось не все. Нестабильность на Северном Кавказе развивалась по нарастающей, переходя в ряде случаев в открытые межнациональные столкновения. Для их предотвращения все чаще стали предприниматься меры военного принуждения, в особенности после того, как краевая власть заручилась поддержкой общественных организаций и «смешанных съездов» из представителей русского и туземного населения Кавказа, созывавшихся неоднократно для выработки решений по борьбе «с развивающейся преступностью».

В 1907 г. наместник издает приказ, по которому с 7 июня в крае вводится чрезвычайное положение, а с 15 июня на военном положении объявляется Терская область. В беспокойные районы Кавказа снаряжаются карательные экспедиции. Отряды пехоты, усиленные артиллерией, и казацкие сотни производят прочистку аулов. К туземным обществам, заподозренным в укрывательстве разбойников, применяются репрессии. Неблагонадежные аулы подвергаются по принципу круговой поруки штрафам, в некоторых из них размещаются войсковые части на постой, а в обязанность обществ, предоставлявших убежище абрекам, вменяется их содержание. При преследовании разбойников карательные отряды иногда открывали стрельбу по мирному населению. По отношению к принимавшим участие в набегах и тем, кто оказывал им содействие, применяются административные высылки в Сибирь и другие места империи. Муллы, поддерживавшие абреков, ссылаются в Астрахань и Калугу.

Репрессии озлобили население равнинных аулов против Зелимхана, и он вследствие этого, видя, что существовавшие добрые связи с ним уже нарушены, в 1910 г. удаляется с семьей в горы, совершает там поездки по аулам, где находит сочувствие у соплеменников. Однако в равнинных обществах поддержка у него и до этого была не столь значительна, ему симпатизировала лишь малая часть туземного

населения. В подавляющей массе оно с пониманием относилось к необходимости борьбы с разгулом разбойной стихии и вносило в нее свой посильный вклад. Превосходно, по отзывам русских офицеров, несли службу, например, кровники абреков, привлекавшиеся в Терскую охранную стражу. Тем самым для достижения успеха задействовались родовые традиции. Для прекращения разбойных нападений и получившей широкое распространение «туземной преступности», изыскивались и иные средства. Однако, несмотря на все это, она продолжала расти и в 1912 г. даже усилилась¹⁰⁵.

Только после уничтожения ближайших сподвижников Зелимхана – чеченца Аюба и ингуша Саламбека, сыгравших главные роли в беспрецедентном по своей дерзости нападении на Кизляр и ряде других нашумевших набегов, а затем и гибели его самого в 1913 г., активность их резко пошла на спад. Очевидно, что фаза ее подъема зависела в немалой степени и от патерналистского начала, т.е. наличия опытного предводителя. С вступлением же России в Первую мировую войну в 1914 г. и распространением на окраинах империи патриотических настроений, относительная популярность разбойников среди населения во всех местностях, где наблюдалась их деятельность, в том числе и на Северном Кавказе, заметно снизилась¹⁰⁶. Объясняется это прежде всего, на наш взгляд, воздействием на самосознание горцев фактора внешней опасности для государства, которое они признавали своим Отечеством. В создавшихся условиях это мировоззрение на какое-то время, до нового витка развития кризиса в стране, обрело конструктивность, превратившись в идею единения и общегражданской консолидации.

Вне всякого сомнения, она не достигла всеохватывающей полноты, но прекращение набегов в крае даже на непродолжительный срок факт весьма показательный. Примечательно и то, что все допущенные ранее просчеты в управлении и межнациональные столкновения не повлияли на успешный исход мобилизационных мероприятий в среде туземного населения. Его представители неоднократно заявляли еще на предшествующих этапах, когда вер-

ховная власть и различные правительственные структуры оказывались не в состоянии прекратить грабежи и разбои на Кавказе, что туземное население возлагает надежды в решении этой проблемы на русский народ, который «утвердит свою волю» и обеспечит проведение прогрессивных преобразований¹⁰⁷. Неплохо знавший край по роду деятельности в качестве корреспондента С.М. Киров, полемизируя с В. Пуришкевичем, известным своими крайними взглядами в отношении окраин, выделил эту тенденцию, интегрированности на основе российскости, даже как определяющую. «Вы видите людей, – писал он в одной из публикаций в 1913 г., – глубоко и искренне расположенных к России, духовно вросших в русскую культуру, любящих русский народ...»¹⁰⁸. Но, безусловно, сохранялась и другая тенденция, находившая выражение в росте сепаратистских настроений. Их соотношение, как показывали различные события в начале XX в., было явно не в пользу последней.

Наибольший размах этнополитический конфликт в регионе принял в 1917-1918 гг. Например, в бывшей Терской области он даже постепенно перерос тогда из стихийных спорадических стычек в настоящую войну, которую по всем признакам /социально-экономическим, конфессиональным, политическим и т.д./, по моим предположениям, следует причислить к одной, существовавшей тоже в истории, но совершенно не изученной, разновидности Вандеи¹⁰⁹. Особенностью ее служила не сословно-классовая, а националистическая окрашенность, сообщавшаяся, как видно из европейских аналогий, главным образом из внутриэтнической сплоченности, когда тот или иной народ как бы единым монолитом поднимается против другого в пределах одного многонационального государства, добиваясь чистоты «своей» территории и ее этнополитического обособления. В обычном классическом типе Вандеи таким монолитом, как правило, выступало крестьянство (зажиточное, среднее и беднейшее), ведущее борьбу за реставрацию порушенных революционными переменами феодально-монархических порядков.

В российских условиях этнополитическая Вандея из-за общегражданской спа-

янности народов в конце концов утратила этот важнейший признак, претерпев социально-политический распад в соответствии с общими для страны процессами. Первоначально при ее проявлениях в восточных районах северокавказской окраины, преимущественно в контактной зоне расселения чеченцев, ингушей, терских и сунженских казаков, встречалось все, что ей присуще, вплоть, до взаимных погромов, приводивших к перемещению населения и появлению беженцев. Но при этом антирусская направленность погромов в связи с образовавшейся значительной диспропорцией в соотношении мужского населения /русские по закону о воинской повинности с началом Первой мировой войны в 1914 г. были призваны в армию/ по натиску была все же более мощной и приводила к огромным жертвам среди оставленного фактически без защиты населения.

Согласно сохранившимся сводкам в подвергшихся нападению русских селениях находили «сотни трупов». Трагичность положения красноречиво запечатлена в одной из телеграмм, посланных в 1917 г. в Петроград министру-председателю А.Ф. Керенскому: «На Кавказе уничтожают русское население, грабежи, насилия, убийства. Жители бегут. Комиссары-мусульмане бездействуют. Где власть? Укажите. Долго ли будут мучить и унижать людей мусульмане?»¹¹⁰. Разорению подвергались также и аулы мирных горцев /чеченцев, ингушей и др./, добровольно принявших когда-то подданство России, придерживавшихся ее ориентации и в обстановке наступившей государственно-политической дестабилизации. Это-то заранее обрекло этнополитическую Вандею на распад и предопределило ее несостоятельность даже в этом крае, издавна отличавшемся предельно напряженными межэтническими отношениями.

Сам же раскол по мере разрастания масштабов трагедии становился все глубже. При виде бессилия властей часть горских сообществ также стихийно стала создавать отряды, бравшие по собственной инициативе русское население под защиту. Свою враждебность к нему демонстрировали, таким образом, отнюдь не все горские сообщества. Показателен и

тот факт, что в условиях наступившей общественно-политической неопределенности эти сообщества оказались восприимчивы, с одной стороны, к призывам сепаратистов, так и не получившим достаточной для самоутверждения поддержки однородцев, а с другой – к осознанию того, что им «нельзя без России». О «горячей любви» к ней представители горцев заявляли не раз в моменты появления для нее внешней опасности. Делались такие же заявления и с трибуны Государственной думы в начале XX в.

Эта психологическая настроенность проявилась и при подходе турецких войск к пределам мусульманских областей Северного Кавказа в 1918 г., хотя их наступление агентура старалась представить как «освободительную миссию единой державы» и придать ему окраску священной войны против неверных. Несмотря на то, что тогда сил у России остановить вторжение не было, вместо поддержки газавата большинство горцев на состоявшихся народных съездах заявило, что они будут защищать с оружием в руках ее границы. В оперативном донесении от 19 сентября 1918 г. по этому поводу, посланном из края в г. Царицын К.Е. Ворошилову, сообщалось: «Турецкий режим вызвал восстание азербайджанцев в Закавказье... Чеченцы твердо решили не пропускать... турок и всю живую силу отдали Советской власти»¹¹¹.

Заглядывая в сегодняшний день, следует отметить, что этнополитические Вандеи когда-то имели место в тех же регионах Европы и России /Балканы и Кавказ/, где и сейчас разгорелись межнациональные конфликты, в чем-то очень похожие на свои исторические прототипы. Разница заключается лишь в том, что балканские страны подпадают в значительной мере под западноевропейские геополитические стандарты, своеобразие которых заключается в сложившемся совпадении этнонациональных и государственных полей. Вследствие этого при определении государственных границ на Балканах также, как когда-то и в Западной Европе в XVI-XIX вв., в эпоху становления национальных государств, необходимо учитывать прежде всего пределы их взаимоприятия. В России же из-за особенностей ее

развития сложилась иная геополитическая реальность, при которой совпадение государственного и этнонационального полей в большинстве случаев не установилось. Ее государственное поле на протяжении многих веков формировалось на полиэтнонациональной основе.

Это подтверждается и событиями на постсоветском пространстве, единство которого, несмотря ни на что, пока сохраняется. В ряде горячих точек, например, в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье, население неоднократно изъявляло желание войти даже в состав России.

В праве на самоопределение, недопустимо существование двойных стандартов: одни – для больших, другие – для малых наций. Такое подразделение несправедливо. Это, безусловно, относится ко всем без исключения. Не должны игнорироваться позиции даже отдельных частей того или иного народа. Стремление сохранить единство с Россией прослеживается и у чеченцев. По свидетельству Г.В. Заурбековой, непосредственно наблюдавшей развитие трагических событий на Северном Кавказе на исходе XX в., «...сепаратисты убили сотни чеченцев за приверженность к России», высказывания же против нее зачастую вызвали осуждение и неодобрение у простых людей. Некоторые представители чеченского народа, рискуя жизнью, призывали при виде разгула националистической вакханалии: 'Не допускайте, чтобы нас унижали травлей русских братьев'. Оправдания сепаратистов своей деятельности 'извечной враждой русских и чеченцев еще со времен Кавказской войны' построены на исторических фальсификациях и вводят лишь в заблуждение общественное мнение, в том числе и за рубежом. Ссылки на депортацию 1944 г. также не убедительны, так как она не вызвала среди тех же чеченцев и ингушей антирусских настроений¹¹².

Взявшись за оружие, при вторжении боевиков Ш. Басаева в 1999 г., ополченцы Дагестана подчёркивали, что защищают Россию, свою Родину и будут отстаивать, не жалея жизни, её целостность от любых угроз, откуда бы они не исходили, даже если это придётся делать под Москвой или на Дальнем Востоке. Люди под танки ложились при выводе российских войск из

Абхазии, не желая их ухода, что, так или иначе, характеризует подлинную, вопреки версии советской историографии, роль России на Кавказе на протяжении многих столетий. Подобные подтверждения можно продолжать до бесконечности. Они являются темой специального исследования. Россия, судя по всему, остаётся по-прежнему не только государственным образованием на полиэтнонациональной основе, но и идеей объединения.

Проявления сепаратизма на Северном Кавказе на рубеже XIX-XX вв. не дают, безусловно, прямые ответы на геополитические вызовы, затрагивающие современные стратегические интересы России в регионе. Но они, во всяком случае, проясняют многое. Проведенное исследование вскрывает наличие нескольких его вариаций, наибольшую угрозу из которых представляла вандейская разновидность движения к этнополитическому обособлению, принимавшая относительно массовый и устойчивый характер. Другие попытки реализации замыслов, в частности, интеллигенции и некоторых представителей высших сословий, не имели в тех условиях сколько-нибудь существенной поддержки. Их усилиям не помогла опора на помощь Турции и иные зарубежные страны, осуществлявшие в тот период враждебную России деятельность на Кавказе. Появление вандейской разновидности сепаратизма с ярко выраженным стремлением добиться чистоты «своей» территории обуславливалось трансформацией одной из давних пережиточных традиций, неоднократно порождавшей в крае и в прошлом состояние конфликта.

По мере его нарастания, склонность к сплочению и такому же обособлению по национально-однородному признаку обнаруживала и восточнославянская часть населения. Общегражданское взаимодействие двух начал, русского и инородного, тем самым подвергалось постепенному разрушению. Противостояние же сепаратизму при таком раскладе не могло быть эффективным. Для его искоренения необходимо было подключение потенциала самого туземного населения, признававшего Россию своим Отечеством и также страдавшего от восстановления набегов. Переживший две чеченские кампании в

конце XX в., генерал Г.Н. Трошев эту необходимость выделил как самую определяющую в разрешении непростой проблемы, которое, по его же словам, будет затяжным. Отмечая произошедшие подвижки в самосознании простых людей, особенно в равнинных селениях республики, он приводит следующее весьма красноречивое подтверждение этому во время второго прихода российской армии: «Нас встречали как освободителей. Чеченцы на броню цветы кидали, солдат молоком поили»¹¹³. Представления о происходящем у большинства простых людей и поборников сепаратизма, как видно, и сегодня не имеют совпадений. Не случайно последние не могут обходиться без иностранных наемников.

Немаловажную роль в нарастании напряженности на рубеже XIX-XX вв., наряду с обострением социально-экономической обстановки, играл также демографический фактор, связанный с резким ростом численности населения, проживавшего в нагорной полосе Северо-Восточного Кавказа после окончания Кавказской войны, и отсутствие возможностей для удовлетворения его потребностей в земле. Выход в тех условиях мог быть найден и за счет допущения принципа смешанного расселения, что отчасти осуществлялось на практике, и в перераспределении трудовых ресурсов в другие части страны. Следует признать, что вполне оправданным в качестве одного из требований, выдвигалась тогда идея культурной, а не территориальной автономии. Однако последняя в значительной степени является отражением реальностей Западной Европы, но не России.

Особо необходимым при подведении итогов остановиться на значении идеологического фактора в событиях рубежа XIX-XX вв., который недооценивали представители русской власти. Между тем, он во многом способствовал формированию сепаратистских настроений у части туземного населения.

Если в начальной стадии нарастания конфликта религия в большей степени выступала сдерживающим элементом, а определяющим в становлении самосознания служил традиционный способ передачи исторических знаний, то в 1917 г.

консциентальная ситуация, по мере развития революционного кризиса, стала усложняться. Происходила под влиянием деятельности зарубежной агентуры, главным образом турецкой, радикализация ислама. Все чаще во время нападений разбойники вовлекали новых участников под прикрытием утверждения «русские – враги ислама», а наблюдавшие за положением в крае сообщали, что «в Чечне и Дагестане развивают усиленную деятельность турецкие эмиссары»¹⁴. Позиции российского мусульманства вследствие этого ослаблялись. Намечалась перегруппировка самосознания на основе соединения искаженных знаний о прошлом с религиозным или конфессиональным экстремизмом. Это, несомненно, расширяло границы сепаратизма и масштабы нестабильности.

Однако, как только появилось воздействие иной идеологии, основанной на идеале социальной справедливости, заменившей прежние государственно-политические приоритеты, произошел распад этнополитической Вандеи и вновь усилились консолидационные процессы, показывающие интегрированность туземных сооб-

ществ в единое российское общегражданское пространство. Подтверждается это и тем, что цивилизационное тяготение к Востоку не оказало на это самоопределение решающего давления. Поэтому и на современном этапе Россия не должна допускать на своей территории стихийную или преднамеренную перегруппировку самосознания в ущерб своим интересам. И это, пожалуй, самый главный вывод. Даже лидер чеченских сепаратистов Д. Дудаев на вопрос журналистов «Сожалеет ли он о распаде СССР?» неоднократно заявлял: «Искренне сожалею!» Трагические события конца XX – начала XXI вв. на Северном Кавказе также начинались с перегруппировки самосознания, которой не существовало идеологических противоборств после прекращения существования СССР как геополитической реальности. С их исчезновением сложившиеся ранее исторической науке на основе теоретически заданных стереотипов концепции обрели разрушительные свойства, что сыграло немаловажную роль в становлении современного сепаратизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М., 1994. – С. 109, 115.
2. АКАК. – Т. 5. – С. 1498.
3. Толстой Л.Н. Варианты из рукописных редакций «Набега» // Полн. собр. соч. – М.-Л., 1932. – Т.3. – С. 234-235.
4. АКАК. – Т.5. – С. 1498.
5. Цит. по: Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. – С. 136.
6. Там же. – С. 124.
7. Там же. – С. 120.
8. Там же. – С. 118-120.
9. Виноградов Б.В. Деятельность генерала П.Д. Цицианова в контексте основных тенденций российско-северокавказских отношений первой половины XIX в. // Проблемы истории Северного Кавказа: Сб. научных статей. – Краснодар, 2000. – С. 93.
10. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы / 3 созыв. Сессия 1. 1907-1908 гг. – СПб., 1908. – Т.1. – №№ 1-350. – С. 1365.
11. ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 526. Л. 3-4; РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 3. Л. 5.
12. Жизнь национальностей. – М., 1920. – 29 февр.
13. Алиев У. Очерк исторического развития горцев Кавказа и чужеземного влияния на них ислама, царизма и пр. – Ростов-н/Д., 1927. – С. 110-111.
14. Жизнь национальностей. – М., 1920. – 29 февр.
15. Сталин И. Октябрьский переворот и национальный вопрос // Марксизм и национально-колонизационный вопрос: Сб. избр. статей и речей. – М., 1939. – С. 69-77; Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография / 2-е изд. испр. и доп. / Сост.: Александров Г.Ф., Галактионов М.Р. и др. – М., 1952. – С. 67.
16. Ратгаузер Я.А. К истории гражданской войны на Тереке. – Баку, 1928. – С. 97.
17. Эмиров Н. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами: 1917-1919 гг. – М., 1949. – С. 9.
18. Фадеев А.В. Особенности антиколониальных движений на Северном Кавказе в период империализма // Национальный вопрос накануне и в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции. – М., 1964. – Вып. 1. – С. 80.
19. Мужев И.Ф. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа: 1900-1914 гг. – Нальчик, 1965. – С. 33.
20. Там же. – С. 130.
21. Корнев Д.З. Указ. соч. – С. 20-21; Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. – Нальчик, 1975. – С. 67.
22. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. Л. 1-1-об.

23. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 922. Л. 5.
24. ГАРО. Ф. 826. Оп. 1. Д. 285. Л. 1-1-об.
25. Терский вестник. – 1917. – 18 июля.
26. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. – Грозный, 1967. – Т.1. – С. 204.
27. Шамиль на Кавказе и в России: Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. – СПб., 1889. – С. 45, 183.
28. Терский вестник. 1917. 1 окт.
29. *Ошаев Х.* Очерк начала революционного движения в Чечне. – Грозный, 1927. – С. 6.
30. Шамиль на Кавказе и в России: Биографический очерк / Сост. М.Н. Чичагова. – С. 113.
31. *Дегоев В.* Кавказская война XIX в. и идеологические конъюнктуры советского и постсоветского времени // Россия: XXI в. – 1997. – № 9-10. – С. 110.
32. Жизнь национальностей. – М., 1921. – 3 дек.; *Алиев У.* Адыгейская (Черкесская) автономная область // Жизнь национальностей. – М., 1923. – Кн. 1. – С. 119; *Горянов А.* Советский Дагестан на путях культурной революции // Революция и горец. – Ростов-н/Д., 1931. – № 5. – С. 31; ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 296. Оп. 1. Д. 283. Л. 123; Ф. 1314. Оп. 3. Д. 4. Л. 15. (Подсчет авт.).
33. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С. 23-24, 183-184.
34. Всеподданейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. – СПб., 1913. – С. 9-10.
35. *Эсадзе С.* Указ. соч. – С. 80.
36. Там же.
37. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 778. Л. 14.
38. Всеподданейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова... – С. 10; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР... – Т. 1. – С. 216.
39. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76263-а. Л. 28-28-об.; ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1229. Л. 78.
40. Всеподданейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова... – С. 10.
41. *Рахманов Н.М.* Осуществление ленинской национальной политики в Средней Азии. – Ташкент, 1973. – С. 26-27.
42. *Шейэ Ж.* Современная Индия / Пер. с фр. – СПб., 1913. – Ч. 2. Туземная политика. – С. 83, 327.
43. ГАРФ (бывш. ЦГА РСФСР). Ф. 296. Оп. 2. Д. 15. Л. 7.
44. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 91-об-92.
45. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1110. Л. 2.
46. ЦГАРД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 59-р. Л. 74-75; Д. 69-е. Л. 60; ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765. Л. 12-13 (Подсчет авт.).
47. История Дагестана. – М., 1968. – Т. 2. – С. 346.
48. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1518. Л. 7; Жизнь национальностей. – М., 1922. – 14 мар.
49. *Янчевский Н.* От победы к победе: Краткий очерк истории гражданской войны на Северном Кавказе. – Ростов-н/Д., 1931. – С. 40.
50. Северокавказский край. – 1917. – 1 июля.
51. ЦГА ИПД РСОА. Ф. 1849. Оп. 2. Д. 34. Л. 26.
52. Терский вестник. – 1917. – 23 дек.
53. *Грулев М.* Соперничество России и Англии в Средней Азии. – СПб., 1909. – С. 259.
54. *Виноградов В.Б.* Российскость – основа русско-кавказского историко-культурного единства // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани: Науч. тр. – Армавир, 1995. – Вып. 2.
55. *Шукуров Р.* По дороге и Индию // Родина. – 1995. – № 10. – С. 32.
56. См. подробнее: *Матвеев В.А.* Исторические познания как фактор геополитических свершений // Научная мысль Кавказа. – 1998. – № 4. – С. 20-32.
57. ЦГИА РГ. Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326. Л. 215.
58. *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания: 1849-1911 гг. – М., 1991. – С. 32.
59. Там же. – С. 396.
60. *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. – М., 1992. – С. 85, 128-131.
61. Стенографические отчеты Государственной думы / 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120-153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.)... – Ч. 4. – С. 2391-2392.
62. Там же; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР... – Т.1. – С. 189.
63. *Витте С.Ю.* Указ. соч. – С. 30.
64. Там же.
65. РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67154. Л. 6-6-об, 9-об.
66. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 45. Л. 1-1-об; Жизнь национальностей. – М., 1919. – 27 апр.
67. ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 526. Л. 3-4; Стенографические отчеты Государственной думы / 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120-153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.)... – Ч. 4. – С. 1619, 1624; *Ошаев Х.* Указ. соч. – С. 8.
68. Стенографические отчеты Государственной думы / 2 созыв. Сессия 1. Засед. 19-38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.)... – СПб., 1906. – Т. II. – С. 1038.
69. Там же; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР... – Т. 1. – С. 189.
70. *Мартirosian Г.К.* Нагорная Ингушетия: Социально-экономический очерк // Изв. Ингуш. науч.-исслед. ин-та краеведения. – Владикавказ, 1928. – Вып. 1. – С. 56.
71. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 469. Л. 26; *Янчевский Н.Л.* Гражданская борьба на Северном Кавказе... – Т. 1. – С. 105, 107.
72. Стенографические отчеты Государственной думы / 2 созыв. Сессия 1. Засед. 19-38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.)... – Т. II. – С. 1037.
73. *Караулов М.А.* Терское казачество в прошлом и настоящем: Памятка терского казака. – Владикавказ, 1912. – С. 115.
74. *Дзидзоев В.Д.* Указ. соч. – С. 82.
75. Стенографические отчеты Государственной думы / 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120-153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.)... – Ч. 4. – С. 1619-1620; *Мартirosian Г.К.* Указ. соч. – С. 56.
76. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 27-27-об.
77. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области / Пояснительная записка к думскому запросу, составленная библиотекарем «Терского общества любителей казачьей старины» Г.А. Ткачевым и читанная в заседании общества 8-го января 1911 г. – Владикавказ, 1911. – С. 5.
78. Стенографические отчеты Государственной думы / 2 созыв. Сессия 1. Засед. 19-38 (с 1 июня по 4 июля 1906 г.)... – Т. II. – С. 1038.
79. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР... – Т. 1. – С. 204.
80. ЦГИА РГ. Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326. Л. 215.
81. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 940. Л. 17; ЦГИА РГ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 749. Л. 9-об.
82. РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1. Л. 23, 33-об.
83. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР... – Т. 1. – С. 203.
84. *Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис, 1907. – Т.1-2.
85. АКАК. – Т. 12. – С. 423.
86. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова... – С.18.
87. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР... – Т.1. – С. 196.
88. Там же. – С.188-189.
89. Стенографические отчеты Государственной думы / 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120-153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.)... – Ч. 4. – С. 1644; Засед. 138, 23 мая 1912 г.; История Кабардино-Балкарской АССР: В 2-х т. – М., 1967. – Т. 1. – С. 283; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР... – Т. 1. – С. 204.

90. *Ошаев Х.* Указ. соч. – С. 7-9.
91. Стенографический отчет Государственной думы / 3 созыв. Сессия 5. Засед. 138, 23 мая 1912 г. – Ч. 4.
92. *Шейэ Ж.* Современная Индия / Пер. с фр. – СПб., 1913. – Ч. 2. Туземная политика. – С. 401.
93. *Панозна Б. де.* Индия под английским владычеством / Пер. с фр. – М., 1848. – Т.1. – С. 176.
94. Цит. по: *Лурье С.В.* Русские в Средней Азии и англичане в Индии: Доминанты имперского сознания и способы их реализации // *Цивилизации и культуры.* – М., 1995. – Вып. 2. – С. 268.
95. История Северо-Осетинской АССР. – М., 1959. – Т.1. – С. 271-272; Очерки истории балкарского народа: С древнейших времен до 1917 г. – Нальчик, 1961. – С. 119 и др.
96. *Витте С.Ю.* Указ. соч. – С. 395.
97. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5303. Л. 1-1-об.
98. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4171. Л. 14-14-об.
99. *Такоев С.* К истории революционного движения на Терек: По личным воспоминаниям // *Изв. Осетин. науч.-исслед. ин-та краеведения.* – Владикавказ, 1926. – Вып. 2. – С. 317; РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1115. Л. 26-об.
100. *Панозна Б. де.* Индия под английским владычеством... – С. 543.
101. Новая жизнь. – 1917. – 17 (30) июня.
102. *Бурин С.Н.* Указ. соч. – С. 100-101.
103. ЦГИА РГ. Ф. 94-с. Оп. 1. Д. 326. Л. 215; Стенографический отчет Государственной думы / 3 созыв. Сессия 5. Засед. 138, 23 мая 1912 г. – Ч. 4.; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР... – Т. 1. – С. 206.
104. Цит. по: *Марков Л.Н.* На Кавказе после появления там России // *Посев.* – 1993. – № 2. – С. 89-98.
105. Стенографические отчеты Государственной думы / 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120-153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.)... – Ч. 4. – С. 1619, 1632, 1636; *Ошаев Х.* Указ. соч. – С. 9; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР... – Т. 1. – С. 204, 217; *Мужев И.Ф.* Указ. соч. – С. 78.
106. *Бурин С.Н.* Указ. соч. – С. 142; *Мужев И.Ф.* Указ. соч. – С. 120.
107. Стенографические отчеты Государственной думы / 3 созыв. Сессия 5. Засед. 120-153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.) ... – Ч. 4. – С. 2408-2409.
108. Терек. – 1913. – 18 сент.
109. На вывод о наличии такой типовой разновидности Вандеи, как этнополитическая, натолкнул автора еще в 1986 г. анализ положений доклада «Вандейские силы в российских революциях» профессора А.И. Козлова, сделанного на методологическом семинаре исторического факультета Ростовского госуниверситета и попытка ответить на вопросы вызывавшие наибольшие затруднения по ходу дискуссии. См.: *Козлов А.И.* «Вандейские силы» в российских революциях // *Вопросы истории.* – 1987. – № 9. – С. 20-23.
110. РГИА. Ф. 1276. Оп. 21. Д. 3. Л. 5.
111. РГВА. Ф. 100. Оп. 8. Д. 12. Л. 36.
112. *Заурбекова Г.В.* Сепаратизм в Чечне // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии.* М.: ИЭА РАН, 2000. – № 135. – С. 7, 8, 12, 14, 27.
113. *Трошев Г.* Моя война: Чеченский дневник окопного генерала. – М., 2001. – С. 159, 255, 317.
114. ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 619. Л. 17-18.